

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ: ЛЮДИ И ДОКУМЕНТЫ

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.039
УДК 37-057.175:93/94 + 378.4(470)“19”

В. Г. Ананьев
М. Д. Бухарин

Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

К ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В РОССИИ: ПРОЕКТЫ О. Ф. ВАЛЬДГАУЕРА И В. В. БАРТОЛЬДА*

Развитие науки и высшего, в том числе университетского, образования в России в течение XIX в. поставило вопрос о путях дальнейшего прогресса высшей школы, развитии методологии преподавания. Фактически, количественное накопление знаний, появление все новых дисциплин привели к следующей постановке вопроса: специализация (глубина) или общий курс (широта охвата).

Ведущие ученые, занимавшиеся преподавательской деятельностью, уже на рубеже XIX–XX столетий осознавали остроту этой проблемы. Востоковед, историк науки академик В. В. Бартольд, преподававший в Санкт-Петербургском (Петроградском / Ленинградском) университете более 30 лет и историк античного искусства, сотрудник Эрмитажа и Института истории искусств О. Ф. Вальдгауер, обратившись независимо друг от друга к данной проблеме, пришли к схожему выводу. Во главу угла должна ставиться глубина специализации, практические занятия — семинары, работа с наглядным материалом, практическая работа с ведущими преподавателями по немецкому или британскому образцу (тьюторами). Выбор курсов для максимально глубокого преподавания должен обуславливаться не стремлением уравнивать все предметы по количеству уделяемого им времени, а наибольшей актуальностью и наличием максимально подробных сведений. Остальные, менее разработанные, могут быть пройдены в рамках общих курсов.

Архивные документы по истории высшего образования в России должны приниматься в расчет при составлении современных учебных планов, так как они отражают многолетний опыт преподавания ведущих специалистов.

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

Ключевые слова: высшее образование; семинар; общий курс; археология; история Востока.

Цитирование: Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. К истории преподавания исторических дисциплин в России: проекты О. Ф. Вальдгауера и В. В. Бартольда // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 258–275.

Поступила в редакцию 22.02.2019

Принята к печати 18.04.2019

**Vitaly G. Ananiev
Mikhail D. Bukharin**

*Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

ON THE HISTORY OF TEACHING HISTORICAL DISCIPLINES IN RUSSIA: PROJECTS OF O. F. WALDHAUER AND V. V. BARTHOLD

The development of science and higher education including universities in 19th-century Russia raised a question related to the ways of further progress of the higher school and methods of teaching. In fact, the quantitative accumulation of knowledge and emergence of new disciplines led to a dilemma concerning the need to choose between specialisation (depth) and more general courses (vast scope).

The leading scholars who were engaged in teaching at the turn of the twentieth century realised the acute character of this problem. V. V. Barthold, an orientalist, historian of science, and academician who taught at St Petersburg (Petrograd / Leningrad) university for over 30 years and O. F. Waldhauer, a historian of classical art who worked at the Hermitage Museum and the Institute of the History of Arts independently paid attention to this problem and came to a similar conclusion. They maintain that the depth of specialisation and practical training, i.e. seminars, work with visual material, and practical work with the leading specialists according to the German and British models (tutors) are key factors to successful education. The choice of courses for in-depth teaching has to depend not on the desire to balance all disciplines according to the amount of time spent on them but on their relevance and availability of the most detailed information. Other less developed disciplines could be covered within the general courses.

Consequently, it is essential to take archival documents on the history of higher education in Russia into consideration while drawing up modern curricula as they reflect long-term experience of teaching by leading scholars.

Key words: higher education; seminar; general course; archaeology; history of the East.

Acknowledgements

The work was supported by the *Russian Science Foundation*; grant 18-18-00367 “General History in the System of Soviet Science, Culture, and Education in 1917–1947”.

Citation: Ananiev, V. G., & Bukharin, M. D. (2019). K istorii prepodavaniia istoricheskikh distsiplin v Rossii: proekty O. F. Waldhauera i V. V. Bartholda [On the History of Teaching Historical Disciplines in Russia: Projects of O. F. Waldhauer and V. V. Barthold]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 258–275.

Submitted on 22 February, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Как нам уже приходилось отмечать ранее, одной из актуальных проблем в образовательном дискурсе России революционного времени стала проблема организации и содержания искусствоведческого образования. При этом, исходя из принципа различения как критерия для определения собственного смысла объекта, тем, по отношению к чему конструировалось искусствоведение, была археология [Ананьев, Бухарин]. В данной статье, на основании нового архивного материала, мы постараемся показать, как в той же конкретной ситуации в ряде проектов, различающихся по степени проработанности и законченности, происходило осмысление сути преподавания ряда исторических дисциплин, в частности, той же археологии, не столько в качестве негативного двойника искусствоведения, сколько в ее взаимосвязи с другой пограничной дисциплиной — историей Востока, а также как осмыслялось соотношение в этой области различных форм организации занятий (семинарских и лекционных).

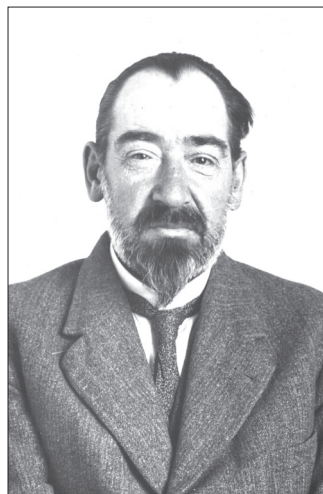
Авторами этих проектов выступили видные ученые, оставившие значительный след в науке: Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) — выдающийся исследователь истории Ближнего Востока и Средней Азии, а также Оскар Фердинандович Вальдгауер (1883–1935) — специалист в области античного искусства, теоретик и практик музейного дела. Несколько документов, составленных Бартольдом и Вальдгауером независимо друг от друга, в разное время, при комплексном рассмотрении выявляют очевидное сходство в понимании целеполагания образовательного процесса: достижение максимального эффекта, т. е. подготовка студентов наивысшей квалификации. Оба автора предлагают в основе своей одни и те же подходы, и это совпадение нельзя назвать случайным.

Мы ничего не можем сказать о личных контактах ученых, которые, хотя и были, безусловно, знакомы, однако, явно не состояли не только в дружеских, но и в приятельских отношениях. Вместе с тем, их связывало само образовательное пространство, в рамках которого и происходило осмысление ими специфики содержания и технологий образовательной деятельности. Это пространство конструировали два учебно-научных центра, в первой трети XX в. являвшихся важнейшими локусами интеллектуальной жизни Петербурга — Петрограда: Санкт-Петербургский университет (далее — Университет) и Институт истории искусств (далее — Институт).

Бартольд, яркий представитель «школы барона Розена», сформировавшейся в Университете на рубеже XIX–XX вв. [см.: Тольц, с. 13–40], начал преподавательскую деятельность на факультете восточных языков в 1896 г. и продолжал ее



1. В. В. Бартольд
[СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 509, л. 1]
V. V. Barthold
[SPbF ARAN, f. 68, op. 1, d. 509, n. 1]
© Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук



2. О. Ф. Вальдгауер.
Из семейного архива А. Г. Яковкина
O. F. Waldhauer.
From the family archive of A. G. Yakovkin

практически без перерыва на протяжении последующих 30 лет, вплоть до смерти в 1930 г. Он читал здесь курсы по истории изучения Востока в Европе и России, историко-географическому обзору Ирана и др., а также вел ряд практических занятий. С другой стороны, 24 сентября 1918 г. на заседании Совета Института он был избран почетным членом этого научно-учебного учреждения, а 9 ноября 1921 г. постановлением Государственного художественного комитета назначен его действительным членом. Там он также читал лекции (например, по культуре мусульманского мира) и проводил семинарские занятия вплоть до середины 1920-х гг. [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 438, л. 8, 18; подробнее см.: Ананьев].

Вальдгауер с 1912 г. и до конца 1920-х гг. регулярно читал в Институте курсы по античному искусству, а с 1914 г. преподавал в Петроградском университете, где вел занятия по истории греческой скульптуры в эпоху эллинизма, к которой в 1920-е гг. добавятся античная скульптура, римское античное искусство и др. Активно применяя принцип наглядности, часть занятий Вальдгауер проводил в античных залах Эрмитажа, иногда даже вступая из-за этого в конфликт с руководством музея. Например, ежегодно с 1914 по 1917 г. в Петроградском университете им объявлялся курс практических занятий в собрании античных ваз Эрмитажа. Таким образом, пространство, в котором разворачивалась преподавательская деятельность двух ученых, было приблизительно одинаковым. Как они подходили к осмыслению самого учебного процесса и его содержания?

Наиболее ранним документом, в котором Бартольд обращается к насущным нуждам высшего образования, вероятно, является письмо к Н. И. Веселовскому — центральной фигуре дореволюционного российского востоковедения, профессору Университета и одному из учителей Бартольда. Это письмо не датировано, однако в нем автор жалуется Веселовскому на «сомнительное положение» ноги. Вероятно, речь идет об инциденте, случившемся с ним в начале экспедиции 1893 г. в Среднюю Азию: он упал с лошади, сломал ногу в бедре и был вынужден остаться в Джамбуле. Затем он переехал в Ташкент [см.: Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга..., с. 243, 249, 253].

Можно предположить, что письмо Бартольда было написано, вероятно, около 1895 г. Уже в этот период он — готовящийся к началу своей преподавательской деятельности в Университете — ставит вопрос об оптимизации образовательного процесса. Глубоко интегрированный в мировую науку, Бартольд прекрасно осознавал все плюсы и минусы системы образования, сложившейся в столичном университете: обилие общих курсов, не нацеленных на глубокую специализацию, и недостаток практических занятий с ведущими специалистами. В итоге Бартольд настаивает на преобразованиях, которые реформировали бы образовательный процесс по немецкому или британскому образцу. Вопрос, поднятый Бартольдом в письме, не потерял своей актуальности, так как учебный план большинства российских высших учебных заведений в преподавании исторических дисциплин составлен именно так, как, по мнению Бартольда, он не должен был быть составлен: с обилием общих курсов, ориентированных на обзор, а не на глубокую специализацию.

В. В. Бартольд — Н. И. Веселовскому

[без даты]

[2 об.]

...Я прочел с большим удовольствием Вашу рецензию на книгу П. Шубинского «Очерки Бухары»; необходимо иногда обличать беззастенчивых путешественников, не стесняющихся выдумывать прямо из головы исторические факты, также тех, которые, не имея никаких фактических знаний, думают обогатить [3 об.¹] науку новыми теориями и гипотезами (Г. Е. Грум-Гржимайло, Е. Л. Марков и др.). Но положить предел таким явлениям, как мне кажется, может только внесение в разработку истории востока тех же научных приемов, которые выработаны для истории Европы, и постепенное образование [нрзб] научно подготовленных исследователей. Цель эта, по моему мнению, лучше всего может быть достигнута расширением практических упражнений со студентами, совместной разработкой научных вопросов, т. е. необходимо сделать из практических упражнений нечто похожее на «семинарий» при немецких университетах. Ввиду этого я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы уступили мне, когда я сделаюсь приват-доцентом, одну обязательную лекцию, именно практические упражнения со студентами II курса и, кроме того, позволили мне ввести необязательные упражнения со студентами III и IV курсов. Охотников, конечно, будет не больше, чем 2 или 3; мне было бы очень приятно еще до открытия

¹ Архивная пагинация нарушена: после л. 2 об. идет л. 4.

этих курсов знать, есть ли отклики и, если есть, то какой эпохой в истории Средней [3 об.] Азии они больше всего интересуются.

В последнее время [нрзб] выяснились самые жгучие потребности местных деятелей. 1) Знание иностранных языков мало распространено; необходимо переводить лучшие иностранные сочинения; 2) исторические знания еще менее распространены и даже у более знающих состоят из случайных обрывков; необходимо издать краткий учебник по истории Средней Азии... и при нем должен быть подробный библиографический указатель. Надеюсь, что и это предприятие когда-нибудь осуществится...

С совершеннейшим почтением

В. Бартольд.

Р. С. Идея введения семинарий принадлежит барону Розену, но при осуществлении проекта инициатива, конечно, может исходить только от Вас [РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 794, л. 2–4].

Две центральные идеи, связанные с образовательным процессом, могут быть, таким образом, отмечены в этом коротком письме: с одной стороны, важность практических занятий («семинарий») для подготовки будущих специалистов, и, с другой, значимость наряду со столичными учеными «местных деятелей», на которых представители школы Розена охотно опирались при проведении своих научных исследований [о последнем см.: Тольц].

Накопление объема материала, а также опыта практической работы как в области археологии, так и в области исследования Востока во всем его многообразии заставляли ведущих ученых и преподавателей возвращаться к вопросу об оптимизации преподавательского процесса вновь и вновь. Следующий документ, не вошедший в девятитомное собрание сочинений Бартольда, был составлен, вероятно, приблизительно в то же время. В нем автор оппонирует востоковеду В. В. Вельяминову-Зернову (1830–1904) — почетному члену Императорской академии наук, в первой половине 1890-х гг. неоднократно критиковавшему систему преподавания истории Востока в высших учебных заведениях России [об этом см.: Калимуллина]. Бартольд стремится максимально трезво смотреть на материал, доступный для преподавания: по его мнению, на момент составления записки, в распоряжении преподавателей не было достаточного количества сведений для составления точного и глубокого университетского курса, по этой причине упор в преподавании следовало делать на инструментарий исследователя, в первую очередь, на изучение языков. История же Средней Азии уже была достаточно разработана, и присутствие такого лекционного курса в учебном плане университета было оправдано.

Бартольд выделяет совершенно ясный критерий для определения наиболее важных дисциплин — важность их для нужд России: то, что актуальнее для страны, должно получить наиболее глубокое освещение. Очевидно, что Бартольд выступал не за «уравнительный» учебный план, при котором все направления востоковедения получали бы равное внимание, а за тот, в котором наибольшее внимание уделялось бы самым важным предметам, а также тем, которые разработаны наиболее тщательно. По этой причине он не считал необходимым вводить в учебный план специальные курсы по ряду вспомогательных исторических

дисциплин (например, нумизматике, археологии Востока). И в последующей своей деятельности Бартольд оставался верен этим установкам на совмещение научно-проработанного материала и семинарской формы его освоения в учебном процессе. Так, например, в программе курсов Бартольда уже послереволюционного периода выделен семинарий «Города мусульманской Персии», имеющий следующую характеристику:

...изучение известий арабских географов, преимущественно по истории Исфахана, о котором имеются наиболее ясные и подробные сведения и который приобрел в мусульманское время значение большого города исключительно под влиянием событий самой жизни, независимо от действий каких-либо династий и государей [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 424, л. 39].

Публикуемая записка Бартольда может служить источником методологических принципов, которые могут и должны принимать во внимание современные образовательные стандарты.

[В. В. Бартольд]

[без даты]

[16] Несколько слов о преподавании истории востока.

16го января *текущего года* министерством народного просвещения были переданы на предварительное обсуждение факультета восточных языков предположения В. В. Вельяминова-Зернова о тех мерах, которые «могли бы быть полезными для успешного преподавания у нас восточных языков». От факультета ожидаются «подробные соображения как по содержанию проектируемых тайным советником Вельяминовым-Зерновым мер, так и тех предположений, кои могут возникнуть по сему предмету в среде самого факультета». По этому случаю мы позволим себе высказать несколько мыслей о преподавании в университете нашей специальности, т. е. истории востока.

Г-н Вельяминов-Зернов предлагает «вместо чтения специальных курсов истории отдельных стран (Средней Азии, Персии и Турции) ввести общий курс истории мусульманского востока, начиная с возникновения ислама и знакомя затем [16 об.] слушателей последовательно с ходом событий и историей главнейших династий, как господствовавших в прежние времена, так и царствующих ныне в Европе, Азии и Африке. При сем преподаватель может найти достаточно времени, чтобы сообщить слушателям сведения по некоторым побочным предметам, без которых, при нынешнем состоянии исторической науки, невозможно изучать историю, как, напр., по нумизматике».

Нам кажется, что введение «общего курса истории мусульманского востока» едва ли было бы полезно. В университетской программе под названием «истории востока», как известно, всегда понимается только история Средней Азии (что и вполне понятно — вычеркнуто; *Только в таком смысле и можно говорить о кафедре истории востока*) истинно научное, т. е. единственное возможное в университете преподавание истории всех восточных стран или хотя бы только мусульманского востока одним человеком совершенно немыслимо, как вследствие обширности предмета [17], так и вследствие недостаточной научной разработки его. Университетский преподаватель *истории вообще* дает своим слушателям общую картину исторической эволюции

и знакомит их с ходом научной разработки данного предмета; подробное изложение внешних фактов слушатели находят в учебниках, и повторение их не входит в программу лекций. История востока, особенно история Средней Азии, еще так мало разработана, что все предположения о том, как постепенно развивалась жизнь восточных народов, опираются на слишком малое число фактических данных и имеют характер более или менее гадательных гипотез, следовательно, не могут быть положены в основу университетского курса. Курс истории *мусульманского* востока по необходимости обратится в краткое изложение внешних событий, с которыми слушатели гораздо легче могут ознакомиться при посредстве учебника. Если в настоящее время на русском языке еще нет удовлетворительных учебников по истории мусульманского [17 об.] востока, то создать подобный учебник нетрудно; стоит только перевести одну из немецких или английских книг, в которых излагается краткая история мусульманских государств.

История Западной Азии разработана сравнительно лучше; в последние три десятилетия появилось несколько очень ценных исследований по *истор* культурной истории арабов и персов. С результатами этих исследований студенты обыкновенно знакомятся на лингвистических лекциях: при чтении арабских, персидских и тюркских текстов преподаватель не ограничивается грамматическим комментарием, но присоединяет к нему комментарий исторический и бытовой и дает слушателям необходимые библиографические указания по соответствующим вопросам. Если бы обстоятельства позволили открыть специальный курс истории ислама *(но не истории мусульманских династий)*, то введение подобного курса, конечно, было бы очень полезно.

Выделение истории Средней Азии в особый предмет преподавания кажется нам вполне целесообразным, [18] как потому, что изучение Средней Азии для России важнее всего, так и потому, что эта часть истории востока менее всего разработана. Можно сказать, что истинно научная разработка истории Средней Азии, с применением методов, выработанных при (зачеркнуто: разработке; *исследовании) истории Европы, еще не началась. Поэтому *нынешние* лекционные курсы по истории Средней Азии, на наш взгляд, имеют смысл только до тех пор, пока ни в нашей, ни в заграничной литературе нет ни одного сколько-нибудь удовлетворительного учебника. Более пользы, чем от этих курсов, можно ожидать от введения практических занятий или, как они называются за границей, семинарий. На этих упражнениях студенты под руководством преподавателя занимаются изучением какой-нибудь исторической эпохи по первоисточникам или рассмотрением отдельных научных вопросов. При подобных занятиях студенты лучше всего усвоят себе научные методы и правильный взгляд на исторические исследования; таким путем постепенно может [18 об.] образоваться школа действительно серьезных ориенталистов-историков, которые могли бы сделать для истории Средней Азии то же самое, что сделали Кремер, Гольдцинер и др. для истории ислама. Конечно, и при изучении истории Западной Азии практические занятия могут быть очень полезны; только в последнем случае исследователям пришлось бы только дополнять труды своих предшественников разработкой деталей. В Западной Европе польза практических занятий теперь вполне сознается; по замечанию С. Ф. Ольденбурга во Франции «все больше и больше проникает в преподавание система семинарий в противоположность почти исключительно царствовавшей лекционной системе».

При изучении какой-нибудь эпохи истории Средней Азии часто приходится пользоваться не только мусульманскими, но и китайскими источниками. Было бы

полезно, чтобы в таких случаях практические занятия находились под руководством не одного, а двух преподавателей, арабиста и китаиста. Подобные примеры мы видим во Франции: в 1893 г. в «практической [19] школе высшего образования» (*ecole pratique des hautes etudes*) между прочим изучался китайский памятник VII в., представляющий свод китайских сведений об Индии в этот период, под двойным наблюдением преподавателя санскрита и преподавателя китайского языка.

Восточная нумизматика, археология и другие вспомогательные науки для истории востока также еще мало разработаны. Отдельные курсы по этим предметам, на наш взгляд, едва ли необходимы, особенно теперь, пока еще существуют общие лекционные курсы по истории Средней Азии, при которых преподаватель имеет полную возможность сообщить своим слушателям необходимые сведения по упомянутым наукам [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 424, л. 16–19].

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, 2019

Актуализация изучения истории Востока, особенно Средней Азии, в конце XIX в. имела совершенно определенное основание: в 1860–1880-е гг. Средняя Азия была присоединена к России и подвергалась интенсивной колонизации. Между тем, другие исторические дисциплины, вовлеченные в изучение данного региона, также показывали бурный прогресс. К числу таковых относилась, в частности, археология, бывшая действенным инструментом ментально-политического картографирования региона. Отдельные особенности протекавшего в этот период процесса разделения истории искусства и археологии как учебных дисциплин уже получили достаточно подробное освещение в историографии [Ананьев, Бухарин]. Ведущие специалисты в области обеих дисциплин задумывались не только о том, как разделить оба направления в науке и преподавании, но и о том, как выстроить образовательный процесс наилучшим образом.

В настоящий момент одна из наиболее влиятельных точек зрения в истории и теории археологии сводится к тому, что археология представляет собой единую интегральную науку. Как отмечает Л. С. Клейн:

Коль скоро материальные источники образуют единую массу, которая требует схожих методов для обработки, археология одна, это интегральная дисциплина. В той мере, в какой отрасли археологии имеют дело с источниками — первобытными, античными, восточными или средневековыми, — каждая ее отрасль подобна каждой другой [Клейн, с. 13–14].

Однако такой взгляд существовал далеко не всегда. К моменту революционных потрясений преподавание археологии в российских университетах уже имело определенную, достаточно длительную историю и было рассредоточено между различными факультетами и кафедрами. Если первобытная археология тяготела к естественным наукам (геологии и биологии), что, впрочем, объясняется тем, что именно в среде представителей естественных наук и зародилось то направление, которое сейчас принято называть «историей первобытного общества» [Формозов, с. 71, 73, 79, 85], то археология классическая все еще ассоциировалась с историей Древнего мира и античного искусства, древнерусская

была тесно связана с отечественной историей, а восточная занимала не вполне определенное место в структуре востоковедения. Существовали и специализированные археологические институты, готовившие преимущественно сотрудников для библиотек, архивов и музеев [Тихонов, с. 131–144]. В них преподавание было ориентировано скорее на археографию.

В целом вопрос организации системы археологического образования и приведения ее в соответствие с достигнутым уровнем научных достижений в данной области воспринимался определенной частью научного и культурного сообщества как весьма актуальный. Неудивительно поэтому, что, когда весной 1917 г. при Институте была создана особая комиссия по выработке проекта организации Министерства искусств, в его ведение планировалось передать как вопросы охраны памятников, так и вопросы проведения археологических раскопок [Курбатов, с. 16–19], а одно из направлений дискуссий было обозначено как «Археологическое и художественно-историческое образование» [Краткий отчет..., с. 225].

И если Бартольд выступил на заседаниях подкомиссии музейного дела и охраны памятников институтской комиссии с докладом, посвященным охране памятников мусульманского Востока, то проблемы археологического образования нашли отражение в выступлениях Вальдгауера. К этому моменту он уже имел обширный опыт как научной, так и преподавательской деятельности в области археологии. Еще в 1903 г. в Мюнхенском университете под руководством знаменитого немецкого археолога А. Фуртвенглера им была защищена диссертация «О портретах Александра Македонского» [Мавлеев, с. 8, 104]. Начав свою преподавательскую деятельность как школьный учитель под руководством одного из самых интересных методистов России начала XX в. А. А. Брока, Вальдгауер в Реформаторском училище Петрограда на рубеже 1900–1910-х гг. разработал оригинальную методику преподавания истории искусства для школьников [Шляхтина, Мастеница, с. 201–209].

В сохранившемся списке докладов, подготовленных в результате работы комиссии, значится его участие в опросе на тему «Желательная постановка преподавания истории искусства и археологии в русских университетах», а также доклады «Об археологическом образовании в России и за границей, и в частности об археологических институтах» (совместно с Н. Л. Окуновым) и «Показательные музеи (художественно-исторические и археологические)» (совместно с В. Н. Ракинтон) [Краткий отчет..., с. 225]. В архивном фонде Института сохранился текст, написанный характерным почерком Вальдгауера, не имеющий заголовка, который, однако, судя по содержанию, можно атрибутировать как фиксацию его участия в дискуссии относительно постановки преподавания истории искусства и археологии. Окончание текста не сохранилось или никогда не было написано, так как сам текст напоминает предварительные заметки [ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 1, д. 8, л. 32–33]. В архивном фонде другого участника этих событий, академика Н. Я. Марра, отложился документ, обозначенный как «Положения доклада О. Ф. Вальдгауера об археологическом

образовании, и в частности об археологических институтах» [СПбФ АРАН, ф. 800, оп. 4, д. 263, л. 3–3 об.]. Взятые вместе, эти материалы позволяют понять взгляды Вальдгауера на сущность археологии как учебной и научной дисциплины, а также на оптимальные формы ее организации.

Размышляя о специфике преподавания археологии в системе высшего образования, Вальдгауер делает основной акцент на том несоответствии, которое существует между гетерогенностью археологического знания, достигнутой благодаря быстрому развитию отдельных его направлений за последнее время, и гомогенной структурой, призванной транслировать это значительно усложнившееся содержание обучающимся. В качестве решения данной проблемы им предлагается комплекс из четырех взаимосвязанных мер, включающий: 1) распределение всего материала по нескольким кафедрам, независимым друг от друга, но стоящим в постоянной связи между собою; 2) устройство отдельных специальных библиотек при каждой из этих кафедр; 3) возможно более полное собрание фотографических и вообще репродукций по данным областям, и, наконец, 4) создание показательных музеев [ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 1, д. 8, л. 32]. Таким образом, здесь Вальдгауер ратует за специализацию археологического образования и наглядность в процессе обучения. Последнее представляется ему важным и для преподавания истории искусства в начальной и средней школе, где копийный материал и музейные уроки должны были обеспечить учащихся материалом, необходимым для тренировки восприятия [Шляхтина, Мастеница, с. 202–205].

Своеобразным маркером, на примере которого проблема специализации археологического знания оказывается видна особенно хорошо, для Вальдгауера выступает взаимосвязь классической и южнорусской археологии [о корнях проблемы см.: Тункина].

Проблема разведения археологических специализаций по разным кафедрам была актуальной не только для организации учебного процесса, но и для организации самого наличного археологического материала. В частности, в Эрмитаже, где Вальдгауер служил с 1904 г., в этот период начинает активно обсуждаться проблема выделения южнорусских древностей в специальную структурную единицу. Как писал об этом сам Вальдгауер:

...древности северного побережья Черного моря являются продуктом особой культуры <...> В музейном строительстве это особое явление должно найти отражение, так как эта область специально относится к задачам русской науки, этот материал должен быть выделен и особенно тщательно обработан уже не с точки зрения общей истории античного мира, но с точки зрения истории местной [цит. по: Алексеев, с. 60].

Здесь особенно очевидной оказывается связь институционального (разделение на кафедры и отделы) и интеллектуального (разделение на классическую и отечественную археологию как самостоятельные исследовательские области) измерений того единого дискурса, из которого черпали материал как наука, так и образование.

Характеризуя техническую базу учебного процесса, Вальдгауер предлагает тот образец, который со второй половины XIX в. становится наиболее общепризнанным как прогрессивный и получает распространение в целом ряде немецких учебно-научных институтов археологии и истории искусства, функционировавших в нескольких городах Италии и Греции (об одном из самых ярких примеров этого феномена, Институте истории искусств во Флоренции, см.: [Hubert]). Они были хорошо знакомы ему и сами по себе. Начиная с 1905 г. практически ежегодно Вальдгауер бывал за границей и мог знакомиться с принятой в них системой. Кроме того, Институт истории искусств, в котором он преподавал практически с момента основания, создавался графом В. П. Zubovым именно по их образцу, и на подготовку необходимого научно-вспомогательного аппарата там обращали особенно пристальное внимание [Зубов, с. 90–110]. Коллекции учебного материала Института, включавшие собрания книг, фотографий и диапозитивов, копийного материала, были столь представительными, что ими пользовались не только студенты и преподаватели других учебных заведений Петрограда, но и иностранные ученые [о последнем см.: Кызласова, с. 150]. Имея в виду эти примеры, Вальдгауер предлагает:

...выделение из общей библиотеки специальной археологической, которую необходимо и топографически объединить как с собранием фотографий и других репродукций, так и с показательным музеем. Коллекции фотографов, как Alinari, Anderson, Moseioni, Giranderi, Rhomkidis, заграничных археологических институтов должны быть представлены целиком [ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 1, д. 8, л. 32].

Гораздо более оригинальной оказывается трактовка им дидактического значения собрания слепков и подлинных предметов, в которых, по словам ученого:

...должна быть дана возможность производить и специальные опыты по реконструкции памятников, в хотя и небольших коллекциях античного прикладного искусства студенты должны иметь возможность детально изучить технику античной керамики и подл. [Там же, л. 32–33].

В данном аспекте важным этапом в развитии наглядной археологии стал уже открытый в 1895 г. в Москве Музей изящных искусств имени Александра III, выросший из Кабинета изящных искусств и древностей (основан в Московском университете в 1889 г.; имя Александра III музей получил именно в 1895 г. по настоянию одного из меценатов), слепки памятников для которого специально заказывались у опытных копиистов.

Обращение к технологической стороне памятника, изучение его как целостного объекта материальной культуры, а не просто свидетельства определенного этапа в развитии иконографии или художественного стиля, было, безусловно, прогрессивным для своего времени и, отчасти, получило развитие в будущем в рамках Российской академии истории материальной культуры, при которой был создан особый Институт археологической технологии [Платонова, с. 225].

Из-за краткости записки сложно сказать точно, что именно имел в виду Вальдгауер под «специальными опытами по реконструкции памятников». Однако, можно предположить, что здесь им был воспринят опыт учителя, А. Фуртвенглера, неоднократно предлагавшего реконструкции прославленных памятников античной скульптуры, дошедших до нас в поврежденном виде (Венера Милосская, Афина Лемноская и др.). Подход, отчасти предвосхищавший экспериментальные методы второй половины XX в., был неоднозначно воспринят современниками. В любом случае, эти практические занятия типологически оказывались близки семинариям, о важности которых в подготовке будущих специалистов-востоковедов говорил и Бартольд.

[О. Ф. Вальдгауер]

[без даты]

Все огромные недостатки археологического образования в России являются последствием того, что имеется только одна кафедра по истории и теории искусства. Так как каждая специальная область всеобщей истории искусства и археологии развилась до самых крупных размеров, это объединение всех областей вокруг одной кафедры должно было привести и привело к совершенно непростительной трактовке специальных отраслей науки во всех отношениях.

Для правильной постановки преподавания необходимо:

- 1) распределение всего материала по нескольким кафедрам, независимым друг от друга, но стоящим в постоянной связи между собою
- 2) устройство отдельных специальных библиотек при каждой из этих кафедр
- 3) возможно полное собрание фотографических и вообще репродукций по данным областям, и наконец
- 4) показательных музеев, о которых была речь в особом докладе.

Классическая археология должна иметь свою особую *специальную* кафедру, задачей которой была бы трактовка предмета в ея целом, не входя слишком детально в специальные проблемы южнорусской археологии, так как этой последней области должны будут служить археологические институты. Университеты должны давать необходимое общее образование по данному предмету, дабы специалисты по южнорусской археологии, которые будут участвовать в исследовании южнорусских древностей на местах, были в состоянии рассматривать отдельные группы памятников, находимых в Южной России, (как часть — *зачеркнуто*) в связи с общей картиной развития античного искусства. Для этого необходимо выделение из общей библиотеки специальной археологической, которую необходимо и топографически объединить как с собранием фотографий и других репродукций, так и с показательным музеем. Коллекции фотографов, как Alinari, Anderson, Moseioni, Giranderi, Rhomkidis, заграничных археологических институтов должны быть представлены целиком, а в собраниях слепков должна быть дана возможность производить и специальные опыты по реконструкции памятников, в хотя и небольших коллекциях античного прикладного искусства студенты должны иметь возможность детально изучить технику античной керамики и под.; и эти музеи должны быть органически связаны с собранием фотографий и библиотеками [ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 1, д. 8, л. 32–33].

При этом важно отметить, что высшее образование, готовящее специалистов по разным отделам археологии, рассматривалось ученым в качестве лишь одного из элементов более общего комплекса мер, необходимых для «правильной постановки археологического образования» [СПбФ АРАН, ф. 800, оп. 4, д. 263, л. 3]. Это со всей очевидностью следует из тезисов его доклада, отложившихся в архивном фонде академика Н. Я. Марра, в которых к числу таковых причислены также сообщение археологических сведений преподавателям средне-учебных заведений (главным образом, преподавателям истории, истории литературы и древних языков, т. е. тем самым «местным деятелям», о значимости просвещения которых говорил и Бартольд) и общеобразовательные курсы для широких слоев населения. Для реализации этих задач, по мысли Вальдгауера, следовало создать в стране целую сеть специализированных археологических институтов, которые также должны были ведать и «чисто научными предприятиями: раскопками, учеными экспедициями и т. п., причем они же имеют право наблюдения за местными археологическими музеями» [Там же].

Такого рода институты должны были быть созданы как в пределах Российской империи (в Одессе, Тифлисе, Ташкенте, Иркутске, Казани), так и за рубежом (в Константинополе, Афинах, Риме). Их «специальными задачами» объявлялись: 1) изучение местных древностей; 2) производство раскопок и наблюдение за раскопками, производимыми местными силами; 3) главное управление известными археологическими музеями. По этому же принципу должны были быть преобразованы уже существовавшие на тот момент археологические институты Петрограда и Москвы. Заграничные институты, кроме выполнения специальных задач, должны были оказывать поддержку прикомандировываемым к ним преподавателям средних учебных заведений, художникам и т. д. [Там же, л. 3–3 об.].

Центральное управление институтами должно было находиться в руках особого отдела проектируемого Министерства искусства, который имел бы право давать определенные директивы отдельным институтам. Начальник этого отдела обязан был созывать в начале каждого учебного года директоров находящихся в России институтов для совместной выработки планов на текущий год. В исполнении совместно установленных программ институты могли действовать совершенно самостоятельно. Заграничные институты обязывались представлять ежегодно отчеты о своей деятельности, кроме того, каждый институт должен был издавать свой научный орган [Там же, л. 3 об.].

В той или иной степени положения обоих проектов Вальдгауера были реализованы. Сама жизнь подталкивала университеты создавать если не отдельные кафедры классической археологии, то кафедры археологии, отделенной от истории искусств, в рамках которых развивались различные направления археологии. Формирование особых археологических институтов в разных городах, за что ратовал Вальдгауер, нашло отражение в создании научно-исследовательских институтов, лишенных преподавательской нагрузки. Интуитивно, отталкиваясь от собственного опыта и опыта коллег, крупнейшие российские

и зарубежные исследователи древней истории, в том числе археологи, искусствоведы, приходили приблизительно к одним и тем же организационным формам: созданию университетских кафедр археологии и истории искусств с широким выбором специализаций (некоторые вполне заслуженно носят название институтов).

[3]

ПОЛОЖЕНИЯ ДОКЛАДА О. Ф. ВАЛЬДГАУЕРА ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ, И В ЧАСТНОСТИ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ

Для правильной постановки археологического образования, необходимо иметь в виду следующие цели:

I.

1. Образование кадра специалистов по разным отделам археологии.
2. Сообщение археологических сведений преподавателям средне-учебных заведений (г. о. преподавателям истории, истории литературы и древних языков).
3. Общеобразовательные курсы для широких слоев населения.

Для выполнения этих требований необходимо создание сети археологических институтов, которые, наряду с указанными учебными задачами, заведуют и чисто научными предприятиями: раскопками, учеными экспедициями и т. п., причем они же имеют право наблюдения за местными археологическими музеями.

II. Такие институты должны быть основаны:

A. В России

в первую очередь —

1. В Одессе. Специальные задачи: а) изучение древностей южной России, в особенности классической эпохи; б) производство раскопок и наблюдение за раскопками, производимыми местными силами; в) главное управление известными археологическими музеями.

2. В Тифлисе. Специальные задачи — те же, как у Одесского института по отношению к древностям Кавказа.

Во вторую очередь —

3. В Ташкенте. Специальные задачи как 1 и 2 по отношению к древностям Туркестана.

4. В Иркутске. Специальные задачи как в 1–3 по отношению к сибирским древностям.

5. В Казани. Специальные задачи как в 1–4 по отношению к татарским древностям.

[3 об.] Петроградский и Московский археологические институты должны быть преобразованы по тому же типу.

Б. За границей:

В первую очередь —

1. В Константинополе, для исследования христианского искусства.

Во вторую очередь —

2. В Афинах, для исследования греческого искусства.

3. В Риме, для исследования римского искусства (или Отделение Русского института в Риме).

Заграничные археологические институты служат только специальным целям; они же оказывают поддержку прикомандировываемым преподавателям средних учебных заведений, художникам и т. д.

III. 1. Центральное управление институтами находится в руках особого отдела ведомства, который имеет право давать определенные директивы отдельным институтам. 2. Начальник отдела обязан созывать в начале каждого учебного года директоров находящихся в России институтов для совместной выработки планов на текущий год. 3. В исполнении совместно установленных программ институты действуют совершенно самостоятельно. 4. Заграничные институты представляют ежегодно отчеты о своей деятельности. 5. Каждый институт издает свой научный орган [СПбФ АРАН, ф. 800, оп. 4, д. 263, л. 3–3 об.].

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, 2019

Источники

Зубов В. П. Страдные годы России. М. : Индрик, 2004.

Краткий отчет о деятельности Российского института истории искусств // Задачи и методы изучения искусств / [отв. ред. А. Ф. Некрылова]. СПб. : РИИИ, 2012. С. 187–247.

Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга (1887–1907) / публ. Д. Е. Мишин, М. А. Сидоров и др. // Неизвестные страницы отечественного востоковедения / [сост. В. В. Наумкин (отв. ред.), Н. Г. Романова, И. М. Смилянская]. М. : Вост. лит., 2004. Вып. 2. С. 201–399.

РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 794.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 424, 438; Ф. 800 Оп. 4. Д. 263.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8.

Исследования

Алексеев А. Ю. Эллено-скифское отделение и выставка 1927 года // Античное искусство в советском музееведении : сб. науч. тр. / [науч. ред. Е. В. Мавлеев]. Л. : Гос. Эрмитаж, 1987. С. 59–66.

Ананьев В. Г. Охрана мусульманских памятников (академик В. В. Бартольд и Институт истории искусств в 1917 г.) // Гысылар авазы — Эхо веков. 2016. Т. 3–4 (84–85). С. 283–288.

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России: два неизвестных проекта 1917 г. // Вопр. образования. 2018. № 3. С. 268–286.

Калимуллина Ф. Г. Сотрудничество В. В. Вельяминова-Зернова с Петербургским Университетом: Поиск путей развития востоковедения // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов). Казань : Респ. центр мониторинга качества образования, 2012. С. 270–276.

Клейн Л. С. История археологической мысли : в 2 т. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2011. Т. 1.

Курбатов В. Я. Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств? Петроград : Двигатель, 1917.

Кызласова И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М. : Изд-во Акад. горных наук, 2000.

Мавлеев Е. В. Вальдгауер. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб. : Нестор-История, 2010.

Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском государственном университете. Историографические очерки. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003.

Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в поздне-имперский и раннесоветский период. М.: Новое лит. обозрение, 2013.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002.

Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.

Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н. Музейно-педагогическая мысль в России. Исторические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2006.

Hubert H. W. Das Kunsthistorische Institut in Florenz. Firenze: Il Ventilabro, 1997.

References

Alekseev, A. Yu. (1987). Jellino-skifskoe otделение i vystavka 1927 goda [The Department of Hellenistic-Scythian History and Exhibition of 1927]. In E. V. Mavleev (Ed.), *Antichnoe iskusstvo v sovetskom muzeevedenii* [Ancient Art in Soviet Museology] (pp. 59–66). Leningrad: Gosudarstvennyj Hermitage. (In Russian)

Ananiev, V. G. (2016). Ohrana musul'manskih pamiatnikov (akademik V. V. Bartold i Institut istorii iskusstv v 1917 g.) [The Preservation of Muslim Monuments (Academician V. V. Barthold and Institute of Art History in 1917)]. *Gysyrlar avazy — Jeho vekov*, 3–4 (84–85), 283–288. (In Russian)

Ananiev, V. G., & Bukharin, M. D. (2018). Istoriya iskusstva i arheologija v obrazovatel'nom prostranstve revolyucionnoj Rossii: dva neizvestnyh proekta 1917 g. [Art History and Archaeology in the Educational Space of Russia during the Revolutions: Two Unknown Projects from 1917]. *Voprosy obrazovanija*, 3, 268–286. (In Russian)

Formozov, A. A. (1961). *Očerki po istorii russkoj arheologii* [Essays on the History of Russian Archaeology]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)

Hubert, H. W. (1997). *Das Kunsthistorische Institut in Florenz*. Firenze: Il Ventilabro. (In German)

Kalimullina, F. G. (2012). Sotrudnichestvo V. Veljamina-Zernova s Peterburgskim universitetom: Poisk putej razvitiia vostokovedeniia [The Collaboration of V. Veljaminov-Zernov with Petersburg University: In Search of Ways of Development of Oriental Studies]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, filologii (vzglyad molodyh uchenykh i aspirantov)* [Relevant Issues of National and Foreign History, Philology (A View of Young Scholars and Postgraduates)] (pp. 270–276). Kazan: Respublikanskij centr monitoringa kachestva obrazovanija. (In Russian)

Klein, L. S. (2011). *Istoriya arheologicheskoi mysli* [The History of Archaeological Thought] (Vols. 1–2). (Vol. 1). St Petersburg: St Petersburg State University Press. (In Russian)

Kurbatov, V. Ya. (1917). *Neobkhodimo li samostoyatel'noe vedomstvo izyashchnykh iskusstv?* [Is an Independent Department of Fine Arts Necessary?]. Petrograd: Dvigatel. (In Russian)

Kyzlasova, I. L. (2000). *Istoriya otechestvennoj nauki ob iskusstve Vizantii i Drevnej Rusi. 1920–1930-e gody. Po materialam arhivov* [The History of Russian Byzantine and Old Rus' Art Studies. 1920s–1930s. According to Archival Materials]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii gornykh nauk. (In Russian)

Mavleev, E. V. (2005). *Waldhauer*. St Petersburg: State Hermitage Press. (In Russian)

Platonova, N. I. (2010). *Istoria arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX — pervaya tret' XX veka* [The History of Archaeological Thought in Russia. Second Half of the 19th — First Third of the 20th Centuries]. St Petersburg: Nestor-Istoria. (In Russian)

Shlyahatina, L. M., & Mastenitsa, E. N. (2006). *Muzejno-pedagogicheskaja mysl' v Rossii. Istoricheskie očerki* [Museum Pedagogy in Russia. Historical Essays]. St Petersburg: SPbGUKI Press. (In Russian)

Tikhonov, I. L. (2003). *Arkheologia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. Istoriograficheskie očerki* [Archaeology in St Petersburg State University. Historiographical Notes]. St Petersburg: SPbGU Press. (In Russian)

Tolz, V. (2013). *“Sobstvennyj Vostok Rossii”: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperijskij i rannesovetskij period* [Russia's Own East: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Tunkina, I. V. (2002). *Russkaja nauka o klassicheskikh drevnostiakh juga Rossii (XVIII — seredina XIX vv.)* [The Russian Studies of Classical Antiquities of Southern Russia (18th — Mid-19th Centuries)]. St Petersburg: Nauka. (In Russian)

Ананьев Виталий Геннадьевич

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а;
старший преподаватель кафедры музейного
дела и охраны памятников
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская
линия, 5
E-mail: v.ananев@spbu.ru

Бухарин Михаил Дмитриевич

доктор исторических наук, член-
корреспондент РАН, главный научный
сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
E-mail: michabucha@gmail.com

Ananiev, Vitaly Gennadievich

PhD (History), Researcher
Institute of World History of the Russian
Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334 Moscow, Russia
Senior Lecturer,
Department of Museum Management
and Historical Monuments Preservation
St Petersburg State University
5, Mendelevskaya Line,
199034 St Petersburg, Russia
Email: v.ananев@spbu.ru

Bukharin, Mikhail Dmitrievich

Dr. Hab. (History), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Chief
Researcher
Institute of World History of the Russian
Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: michabucha@gmail.com